

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 54–60
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 54–60
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-54-60>, EDN: QUSBEQ

Научная статья
УДК 930.1+930.2+929Фесслер

Историософия И. А. Фесслера

Д. В. Горбачев

Саратовский филиал Приволжского государственного университета путей сообщения, Россия, 410004, г. Саратов, Интернациональный проезд, д. 1А

Горбачев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Инженерные, гуманитарные, естественнонаучные и общепрофессиональные дисциплины», dmitr87@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2726-3427>, AuthorID: 717711

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты историко-философской концепции И. А. Фесслера. Рассматриваются его воззрения на положение исторической науки относительно других видов познания и форм духовной культуры, проблематику исторического факта и истины, понятие достоверности и правдоподобности, природу познания, движущие силы исторического процесса, профессию историка, отношения между автором и читателем. Исследуется религиозный характер историософии Фесслера и ее связь с интеллектуальным фоном европейской мысли конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: философия истории, исторический факт, религиозная философия, Фесслер, Гегель, масонство, идея, форма, материя, историческая истина

Для цитирования: Горбачев Д. В. Историософия И. А. Фесслера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 54–60. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-54-60>, EDN: QUSBEQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historiosophy of I. A. Fessler

D. V. Gorbachev

Saratov Transport College – Volga State Transport University Branch, 1A Internatsionalny Proezd, Saratov 410004, Russia

Dmitry V. Gorbachev, dmitr87@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2726-3427>, AuthorID: 717711

Abstract. The article analyzes the main aspects of the historical and philosophical concept of I. A. Fessler. His views on the position of historical science in relation to other types of knowledge and forms of spiritual culture, the problematic of historical fact and truth, the concept of reliability and plausibility, the nature of knowledge, the driving forces of the historical process, the profession of a historian, the relationship between the author and the reader are considered. The religious character of Fessler's historiosophy and its connection with the intellectual background of European thought of the late 18th and early 19th centuries is explored.

Keywords: philosophy of history, historical fact, religious philosophy, Fessler, Hegel, Freemasonry, idea, form, matter, historical truth

For citation: Gorbachev D. V. Historiosophy of I. A. Fessler. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 54–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-54-60>, EDN: QUSBEQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Игнатий Аврелий Фесслер (Ignatius (Ignaz, Ignacz) Aurelius (Aurel) Fessler (Feßler), 1756–1839 гг.) за свою долгую и плодотворную жизнь оставил немалый след в литературе, философии, лингвистике, масонстве, общественной и церковной жизни Габсбургских земель, Пруссии и России [1–8]. И если его деятельность в качестве администратора и реформатора немецких колоний в Поволжье [9; 10, с. 293–306, 315–316, 329–332, 349–351; 11, с. 126–133; 12–14; 15, S. 232–234, 278, 287–288; 16, S. 72–78; 17; 18, S. 203; 19, р. 172–177], а также «вольного каменщика» [20, с. 256–261; 21, с. 301–328; 22,

с. 381–403; 23, с. 108–111; 24, с. 173–176; 25, с. 70–81, 170–171, 256–257; 26, 27; 28, р. 12–57; 29–31] привлекала внимание исследователей неоднократно, то мало изученной остается его ипостась ученого-историка, в которой Фесслер проявил себя на позднем этапе своей биографии – в первой трети XIX в., особенно во время своего пребывания на Саратовской земле (1811–1834 гг.). – в ту самую пору исторической науки, когда она переживала процесс конституирования, оформления как собственно науки со своим исследовательским инструментарием, своим формализованным языком – все больше

отдаляясь от «изящной словесности», в качестве разновидности которой историческое повествование рассматривалось с древних времен, и вместе с тем все острее испытывая потребность в создании методологических концепций и широкообъемлющих теорий исторического процесса, привносящих логику в поток наблюдаемых историком явлений, придающих смысл его работе и не дающих ему скатиться до роли механического каталогизатора разрозненных фактов.

В связи с этим кажется не случайным, что Фесслер пришел в историческую науку из исторической беллетристики, еще в XVIII в. успев стать популярным в немецкоязычной среде автором целого ряда романов на основе реальных событий, наибольшую известность среди которых снискал «Марк Аврелий» (1790–1792 гг.).

Сами собой напрашиваются параллели с другим классиком восточноевропейской историографии – Н. М. Карамзиным, который к своему капитальному историческому труду пришел через художественную прозу о «старине глубокой» («Наталя, боярская дочь», «Марфа-посадница»). Отличие заключается в том, что Фесслер до того, как стать ученым-историком, являлся не только писателем, но и философом, и не имел нужды «открывать» образованным немцам их собственную историю. Вместо этого он взялся открывать им историю их непростых соседей – венгров, среди которых сам провел детство и юность [2].

Наиболее известным историческим трудом Фесслера стала многотомная «История венгров и их соседей» (1815–1825 гг.), актуальная и переиздаваемая до последних десятилетий XIX в. и на протяжении полутора столетий сохранявшая статус самого подробного немецкоязычного труда по истории Венгрии. Для данной статьи наибольшее значение имеет первый том этого издания [32]. «Подбирался» Игнатий Аврелий к своему тагмнt opus долго – с предварительными ступенями в виде еще вполне художественного романа (сам автор называл его «историко-психологической картиной») «Матъяш Корвин» (1794 г.) и более позднего труда на стыке науки и публицистики «Три великих короля венгров» (1808 г.), двигаясь таким образом от беллетризованных или полупонаучных биографий отдельных правителей к собственно научной истории страны.

Если «История венгров» стала главным примером практического применения Фесслером его исследовательских принципов, то наиболее полно его теоретические воззрения на исторический процесс и работу ученого-историка были сформулированы в соответствующем разделе концептуального философского труда «Результаты своих размышлений и опытов» (1826 г.) [33, S. 183–226], который в целом являлся суммой воззрений мыслителя на личность, общество

и мироздание, встраивая историческую философию Фесслера в его философию бытия как такового.

В основу своей методологической концепции Фесслер положил проблему исторического факта как базового элемента исследования. Мыслитель выделяет две разновидности: «имевшие место быть факты» и «факты имевшего место быть рассказа», к которым он относит информацию, за точность которой он не мог поручиться, но которая тем не менее передавалась между людьми и воспринималась как истина – как сказали бы сейчас: «артефакты духовной культуры». Отделяя факты второй категории от первой, Фесслер, однако, отказывается считать их «неполноценными» или «не фактами», «небылицами» (Unfactum) [32, S. XV]. В его представлении именно такие «нематериальные» факты полнее всего раскрывают «внутреннюю жизнь народа, отличительные черты его духа, его труды и творения в духовной сфере», а также добавляют к критическому и прагматическому содержанию истории еще и содержание «эпического», в котором, по мнению мыслителя, та непременно нуждается [32, S. XVI], поскольку ее предназначение – быть «эпосом духа, господствующего над миром, иллюстрацией деяний бесконечного в конечном» [33, S. 187].

Интерес Фесслера к артефактам такого рода столь велик, что, декларируя сперва, что он рассказывает лишь о тех событиях и происшествиях, реальность которых подтверждена или может быть подтверждена [32, S. XIV], автор «Истории венгров» уже через несколько страниц советует коллегам «разумно отбирая» использовать и те «факты имевшего место быть рассказа», проверить которые не представляется возможным, если их содержание «не противоречит хронологии, характеру эпохи и людей» [32, S. XV–XVI]. И, по всей видимости, для Фесслера самого в таких утверждениях тоже не было противоречия, поскольку эти события из рассказа, с его точки зрения, в любом случае произошли – пусть и только в сознании его автора, который верит в них как в настоящие. В определенной степени Фесслер с таким подходом к источникам и фактам на сотню лет предвосхитил рождение историографического течения, которое ныне известно как изучение исторической памяти [34].

Таким образом, когда речь заходит о фактологической стороне исторического исследования, Фесслер не делает большой разницы между правдивостью и правдоподобием, будучи готов принять второе наравне с первой. Этот подход был ему свойственен при исследовании истории масонства на рубеже XVIII – XIX вв. [3, с. 224], ему он следовал и позднее, во многом оставаясь в душе историческим беллетристом.

Не случайно, отмежевываясь от романистики в теории, мыслитель тем не менее упорно,

раз за разом называет свой идеал исследователя «историческим художником» [33, S. 188–191, 193–194], а идеал исследования – «произведением исторического искусства» [33, S. 184–185, 187, 190]. Противопоставляя творчество и сочинение копированию и исполнению, он требует от коллег по исторической науке быть именно творцами, не ограничивающимися собиранием и описанием фактов, а «переживающими» содержание описываемых событий, с тем, чтобы «ухватить их дух» [33, S. 189].

Восприятие истории у Фесслера и на позднем этапе оставалось во многом эмоциональным, а одной из функций ее изучения ему виделось достижение самим историком «удовлетворения и душевной радости», которые нельзя получить посредством одного лишь чистого знания, сколь бы точен ни был его источник и как важно ни было описанное в нем событие [33, S. 184–185].

Уподобляя исторический процесс водному потоку, мыслитель хотел обозревать не только его «исток, изгибы и протоки», т. е. непосредственные причины и детали событий, но и «незримую силу», приводящую этот поток в движение [33, S. 185].

Средство постичь природу этой силы Фесслер видел в религиозной философии, которой ко времени создания «Истории венгров» занимался уже несколько десятилетий. Религия, философия и история виделись ему как взаимоподдерживающие части некоего триединства, находящиеся в «гармоничном согласии» друг с другом и как бы «ведущие» человека в своего рода «тихую гавань», где он, очевидно, сможет обрести упомянутую выше душевную радость от созерцания того, как в бренном мире проявляется величие высших сил [33, S. 183, 185].

Вслед за обширной европейской философской традицией, тянувшейся как минимум с Платона, Фесслер представлял материальный мир как отражение трансцендентного мира Идей, которые ему виделись как некие общие принципы, составляющие основу бытия. Будучи совершенны, они вечны и неизменны, и более того – изначально содержатся в природе разума как явления (следует отметить, что Фесслер с симпатией относился к философии Декарта и его последователя Николя Мальбранша (Nicolas Malebranche, 1638–1715 гг.) [33, S. 223]), а также в разуме всякого отдельного индивида в любую историческую эпоху. Разница в отношении к Идее со стороны «дикаря» и философа, по Фесслеру, состоит в способе ее восприятия и реализации в материальном мире – если в деяниях первого Идея проявляется неосознанно, то у второго – через духовную деятельность и осознание. Эта способность к рефлексии и дает, с точки зрения Игнатия Аврелия, мыслящему человеку возможность «ухватить» Идею и дать ей определение, понять и придать ей выразимую форму.

Таким образом, хоть сами Идеи по сути внеисторичны и не могут быть новыми, они могут в зависимости от обстоятельств принимать новые воплощения [32, S. XVIII–XIX]. И причина существования этих разнообразных воплощений видится Фесслеру именно в присущем человеческому духу несовершенстве и противоречивости, ограниченности людского восприятия Идеи, в то время как сама она остается одной и той же всегда [33, S. 188].

Особенностью Фесслеровой интерпретации почти такой же древней, как сама европейская философия концепции Идеи, «эйдоса», оживляющего пассивную материю, является его попытка обрисовать схему этого «оживления» применительно к историческому процессу в виде трех параллельно существующих и взаимосвязанных «пластов» действительности, которые мыслитель связывал с тремя аспектами реализации Идеи: становление, проявление, дух [33, S. 186].

«Становление» представляет собой материальный, внешний мир, в котором непосредственно происходят конкретные внешние события. Работая на этом самом нижнем уровне историк собирает отдельные факты, свидетельства и подтверждает или опровергает их, отвечая тем самым на вопрос: «Что произошло?» [33, S. 187–189]. Однако само по себе подтверждение или опровержение конкретного исторического свидетельства, по Фесслеру, еще не представляет собой историческую истину, подобно тому, как механическое нагромождение фактов и заметок еще не образует исторического труда [33, S. 183]. На этом начальном этапе историк, в представлении Игнатия Аврелия, развивает в читателе лишь память и эрудицию [33, S. 190]. Для того, чтобы стать историком-художником, ему предстоит перейти на более «высокие» и «тонкие» уровни.

«Проявление» Фесслеру представлялось как область, в которой располагаются внутренние причины исторических событий и явлений, сферы причинно-следственных связей и исторических закономерностей. Проявление, по Фесслеру, представляет собой форму [33, S. 189], которую под воздействием Идей принимает материальный мир, сам по себе аморфный, – что снова приводит нас к параллелям с античной философией. Исследуя эту форму, историк отвечает на вопрос: «Как произошло?» [33, S. 189]. На этом этапе целью ученого становится уже не накопление знаний о событиях, а обогащение разума читателя мыслями, пониманием произошедшего [33, S. 190].

Следует отметить, что причинно-следственные связи в истории Фесслер искал преимущественно в сфере психологической, стремясь «проникнуть» в образ мышления деятелей прошлого, понять их побудительные мотивы, цели, желания, убеждения. При этом мыслитель подчеркивает, что восприятие внутреннего мира

другого человека у историка всегда субъективно: исследователь по сути «опосредует» мотивы и воззрения изучаемого лица через свои собственные. Не обладая реальным духовным опытом чужой личности, историк-психолог изучает его «косвенно», реконструируя через свой собственный. Но и реальные взгляды и мотивы, реальное мировосприятие исторического деятеля субъективны тоже [33, S. 189–190]. Таким образом, суть исторических событий на этом этапе работы видится ученому как бы через двойную линзу, дважды искаженной, что для Фесслера является закономерным и неизбежным следствием ранее отмеченного несовершенства человеческой природы в деле восприятия, понимания и воплощения надприродных Идей.

В результате, по Фесслеру, постижение истины на среднем уровне познания реальности оказывается так же недостижимо как и на низшем. Даже проникнув, как ему кажется, в суть деяний человеческих и узрев их движущие пружины, историк может оперировать за своим двойным стеклом лишь такими понятиями, как «предположение» и «вероятность» [33, S. 187]. Очевидно, с этим связано и ранее упомянутое повышенное внимание Фесслера к правдоподобности исторического изложения, ценимой им почти что на одном уровне с подтвержденностью – такое отношение происходит из убежденности мыслителя в субъективности исторической картины, нарисованной человеческим разумом как таковой.

Уровень «духа» венчает всю выстроенную Фесслером конструкцию, и именно в его достижении и состоит, по мысли философа, конечный пункт работы историка. Здесь он находит ответ на вопрос: «Почему произошло?» [33, S. 189]. Здесь он наблюдает жизнь «правлящего миром духа» и только тут постигает истину, которая, будучи частью мира Идей, неподвластна чувственному опыту. Дух, по Фесслеру, стоит выше сомнения, проверки, спора, подтверждения и опровержения, которые являются лишь инструментами ограниченного и несовершенного человеческого разума и в идеальном мире оказываются бесполезны [33, S. 187–188].

Фактически, конечной стадией работы историка-художника оказывается озарение, которое у Фесслера носит несомненно религиозный характер, поскольку именно «историю религиозного духа» он считал центральным пунктом истории всякого народа и государства [32, S. XVII]. Постигание духа у Игнатия Аврелия по сути представляет собой попытку выйти за пределы собственно человеческой истории в сторону истории идеальной, божественной. Первопричины, движущие развитием общества, философ-художник предпочитал искать за его пределами.

Если же попытаться выделить в рассуждениях Фесслера наиболее важную, ключевую Идею,

которую он рассматривает как первооснову исторического процесса, то это будет та, которую он сам определил как «вечное божественное правосудие» – универсальный принцип справедливости, который, в представлении Фесслера, карает несправедливость, содеянную людьми, всегда побеждает человеческую хитрость – мелочную и суетную – и являет собой высшую суть всякого исторического события [33, S. 184]. Таким образом, в историко-философских построениях Фесслера ясно просматриваются ожидаемые от религиозного мыслителя провиденциалистские мотивы и тема божественного воздаяния за грехи, однако следует при этом учитывать, что и сама трансцендентная субстанция – «божественный свет» или «господствующий над миром дух», – приводящая в движение и направляющая поток исторических событий, также представляется мыслителю как часть мира Идей. Божественные силы для Фесслера – это, по сути, и есть Идеи – та самая бесконечная первооснова бытия, которая отражается в конечном материальном мире [33, S. 184, 283–284].

На высшем уровне познания исследователь, по мысли Фесслера, обращается уже не к разуму, а к нраву читателя. Однако, при всех очень явных дидактических мотивах в своих трудах, Игнатий Аврелий предупреждает, что процесс «воспитания» читателя не должен превращаться в одностороннее нравоучение. Историк-художник «опосредует» становление и проявление через дух и полученную картину, раскрывающую суть вещей, «передает» читателю, но у того уже есть собственная картина мира, собственное восприятие, поскольку «бесконечны точки зрения на божественное управление миром, неизмеримы и неистощимы деяния духа в каждом отдельном событии» [33, S. 190–191]. Поэтому ученый, по Фесслеру, должен всегда помнить, что Идеи, как было сказано выше, содержатся в «душежном складе» любого человека, и читатель обладает тем же их набором, что и автор. Неодинакова у этих двоих лишь степень раскрытия этих Идей, осознания их [32, S. XIX]. Таким образом, целью историка-философа становится не фиксация и передача знаний, а «поднятие» читателя до своего уровня проникновения в суть вещей путем ознакомления его со своим опытом *созерцания реальности*, которое и позволяет индивидууму раскрыть заранее заложенную в нем мудрость бытия.

Таким образом, постижение исторической истины представляется в системе взглядов Фесслера как своего рода «сотворчество» ученого и читателя, что перекликается с Сократовским методом «майевтики», направленным на «извлечение» истины из разума слушателя при посредстве «учителя мудрости», популяризованным Платоном и переосмысленным Игнатием Аврелием в духе христианской философии.

Напрашиваются также и параллели с философией истории Гегеля, представлявшего дух в качестве активной субстанции, приводящей историю в движение через свое воплощение в материальный мир [35, с. 121] и подразделявшего историю на «первоначальную», «рефлексивную» и «философскую» [35, с. 57]. Однако, в отличие от своего более известного коллеги, применявшего данное трехчленное деление для классификации различных исторических трудов по категориям, Фесслер представлял становление, проявление и дух как три последовательные «ступени», которые идеальный историк-философ должен одну за другой проходить при составлении одного труда. Не свойственна Фесслеру также и Гегелевская телеология – представление о наличии у исторического процесса некоей конечной цели (в случае Гегеля – полного раскрытия «мирового духа», осознания им своей свободы [35, с. 57]). У Фесслера Идеи раскрываются в материальном мире всегда, вновь и вновь, но нет никаких указаний на то, что это должно когда-то привести к некоему логическому завершению.

Следует также отметить, что Фесслер вряд ли был непосредственно знаком с историко-философскими идеями Гегеля, поскольку в период написания «Истории венгров» и «Результатов» те были обнародованы лишь в виде лекций для аудитории Берлинского университета, а опубликованы были лишь посмертно в 1837 г. [35, с. 52]. В данном случае скорее можно говорить о непреднамеренной конвергенции, сближении идей двух философов, творивших независимо друг от друга, но в общих исторических обстоятельствах (оба наблюдали эпоху Наполеоновских войн на территории Германии, а войну Четвертой антифранцузской коалиции пережили на непосредственном опыте, хотя и сделали из этого совершенно разные выводы [5]), и имевших сходный «интеллектуальный багаж» из трудов своих предшественников на ниве философии.

Обращает на себя внимание также то, что предложенная Фесслером схема с поэтапным постижением трех уровней исторического знания весьма напоминает три первых степени посвящения в масонстве – еще одним многолетним увлечении Игнатия Аврелия [2, 3] – ученик, подмастерье, мастер. Подобно тому, как вольный каменщик, *граду* за *градусом* (синоним понятия «степень посвящения» в масонстве, от лат. «gradus» – «шаг») продвигаясь по орденской иерархии, открывает для себя все более высокий уровень «сакрального знания» о микрокосме тайного общества с тем, чтобы впоследствии передать его новым «братьям», так и Фесслеров историк-художник, историк-мыслитель ступень за ступенью постигает знание о макрокосме человеческого общества, чтобы потом поделиться им с читателем, и с каждым шагом знание это

становится все ближе к божественному духу, все сакральней.

Конечно, в отличие от масона, действующего в узком кругу посвященных, исследователь обращается к гораздо более широкой публике, не стесняясь передавать знание «профанам», но при этом Фесслер подчеркивает, что историку-художнику так же мало стоит беспокоиться о степени подготовленности аудитории, как живописцу – об остроте зрения у зрителей [33, S. 193], поскольку их цель не в том, чтобы «сделать незнающих знающими или невидящих видящими», а в том, чтобы «выразить во внешний мир то, что они восприняли в свой внутренний мир из бесконечности в качестве Идей» [33, S. 194]. А публика, состоящая из людей «одухотворенных, понимающих искусство, религиозных» и способная «понять и постичь» их творчество, непременно найдется [33, S. 193–194]. Эти «одухотворенные люди», конечно, не образуют тайного общества, но в трактовке Игнатия Аврелия выглядят как своего рода «братство посвященных», хоть и неформальное.

В конечном счете, И. А. Фесслер явился ярким представителем переходного периода в развитии европейской исторической мысли. Решительно ратуя за самостоятельность исторической науки от литературы, он сохранял сформированное годами писательской деятельности эмоционально-образное восприятие истории, пытаясь сочетать его с принципами строгой научности. Привнеся в исследования весь свой интеллектуальный опыт философа, он создал собственную методологическую и историко-философскую концепцию на основе преломления идей античной и христианской мысли, картезианского рационализма, немецкого Просвещения и масонства через призму собственного опыта участия в бурной и нестабильной общественной жизни Европы эпохи «просвещенного абсолютизма», революции, Наполеоновских войн и Реставрации.

Стремясь теоретически обосновать миссию ученого-историка, Фесслер конструирует его «идеальный», как ему самому кажется, образ как нечто среднее между артистом-творцом, философом и проповедником. Ремесло историка, по мысли Игнатия Аврелия, состоит в движении от статуса историка-хрониста через работу историка-психолога к положению историка-художника или историка-философа, что для Фесслера по сути одно и то же. Конечной целью этого процесса является постижение человеком истины, приносящей душевную благодать и являющуюся в исторической философии Фесслера по сути надчеловеческой и надисторической, божественной и неподверженной времени.

Историческая философия И. А. Фесслера – неразрывный сплав романтической историографии с немецкой идеалистической философией,

в полной мере *историософская* концепция, в которой познание общества представляется дорожкой к познанию основ бытия.

Список литературы

1. Горбачев Д. В. И. А. Фесслер – немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217–224.
2. Горбачев Д. В. И. А. Фесслер в Саратове: администратор, историк и масон в зеркале документов // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории : альманах / под ред. А. Барани, А. А. Левитской, Ф. Саваи. Ставрополь : Капошвар ; М. : Издательство СКФУ, 2014. Вып. I. С. 59–68.
3. Горбачев Д. В. Фихте и Фесслер // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Гладышев. Саратов, 2016. Вып. 13–14. С. 213–229.
4. Горбачев Д. В. Оккупация Пруссии 1806–1808 гг. в восприятии И. А. Фесслера // Наука и образование: достижения и перспективы : материалы III Международной научно-практической конференции (Самара; Саратов, Филиал СамГУПС в г. Саратове, 30 мая 2020 г.) / отв. ред. Л. И. Чирикова. Саратов : Амирит, 2020. С. 94–100.
5. Попов Н. А. Игнатий-Аврелий Фесслер. – 1756–1833 гг. – Биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 586–643.
6. Архимандрит Августин (Никитин Д. Е.). Игнатий Фесслер (1756–1839) – филолог, философ, богослов // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии / отв. ред. Д. Ю. Лушников. СПб. : Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2018. № 1 (2). С. 178–194.
7. Barton P. F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien ; Köln ; Graz : Hermann Böhlhaus Nachf., 1969. 634 S.
8. Barton P. F. Romantiker, Religionstheoretiker, Romanschreiber. Ein Beitrag zur Kultur- und Geisgeschichte Deutschlands 1802–1809. Fessler in Brandenburg. Wien ; Köln ; Graz : Verlag Hermann Böhlhaus Nachf., 1983. 318 S.
9. Спасский Н. А. О народном образовании в немецких поселениях в Поволжье // Русский вестник. 1897. № 8. С. 43–64.
10. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 1997. 496 с.
11. Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М. : Лютеранское культурное наследие, 2003. 543 с.
12. Горбачев Д. В. И. А. Фесслер в Поволжье: о чем «забыл» автор мемуаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 88–92.
13. Горбачев Д. В. Значение организационно-правовых документов лютеранской общины Саратова начала XIX века в местном самоуправлении // От земских учреждений к местному самоуправлению в России: традиции, опыт, перспективы (к 150-летию Земской реформы) : сб. науч. трудов / под ред. В. Л. Чепляева. Саратов : Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2014. С. 24–25.
14. Горбачев Д. В. Положение органов самоуправления евангелическо-лютеранской общины Саратова в конце XVIII – начале XIX века в отражении документов // Местное самоуправление в системе публичной власти : сб. науч. трудов / под ред. В. Л. Чепляева. Саратов : Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2015. С. 72–73.
15. Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung, 1764–1914. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. Co., 1915. 324 S.
16. Bonwetsch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart : Verlag von J Engelhorn's Nachf., 1919. 132 S.
17. Schmal P. Beiträge zur Geschichte der Volksbildung in der Wolgakolonien // Wolgadeutsches Schulblatt. 1929. № 7/8. S. 768–776.
18. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Volgadeutschen. Pokrowsk ; Moskau ; Charkow : Zentral-Völker-Verlag der Union der Soz. Räte-Rep. Abteilung in Pokrowsk, ASRR der Volgadeutschen, 1930. 384 S.
19. Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité. 1763–1941. Lyon : Presses Universitaires de Lyon, 1986. 529 p.
20. Корф М. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. СПб. : Издательство Императорской публичной библиотеки, 1861. Т. 1. 283 с.
21. Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 2-е. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1885. 543 с.
22. Пытин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг. : Издательство «Огни», 1916. VII, 575 с.
23. Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М. : Задруга, К. Ф. Некрасов, 1914. Т. 1. XII, 255 с.
24. Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М. : Задруга, К. Ф. Некрасов, 1915. Т. 2. 265 с.
25. Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб. : Издательство им. Н. И. Новикова, 2000. 390 с.
26. Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века : сборник статей, посвященный 400-летию Саратова / отв. ред. Е. К. Максимов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. С. 128–140.
27. Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / под ред. В. Н. Данилова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. С. 190–215.
28. Léon X. Fichte et son temps : en 2 tomes. T. 2. Fichte à Berlin (1799–1813). Paris : Librairie Armand Colin, 1924. 533 p.
29. Radrizziani I. Introduction. L'épopée berlinoise: ascension et chute d'un réformateur obstiné // Fichte J. G. La philosophie de la maçonnerie et autres texts. Paris : Vrin, 1995. P. 21–38.

30. *Maurice F.* Freimaurerei um 1800. Ignaz Aurelius Fessler und die Reform der Grossloge Royal York in Berlin. Tübingen : Niemeyer, 1997. 441 S.
31. *Walker F. A.* 'Renegade' Monks and Cultural Conflict in Early Nineteenth-Century Russia: The Cases of I. A. Fessler and J. B. Schad // *Religion, State and Society*. 2000. Vol. 28, № 4. P. 347–358.
32. *Fessler I. A.* Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen : in 10 Th. Th. 1. Leipzig : Gleditsch, 1815. 726 S.
33. *Fessler I. A.* Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jährige Pilgerschaft. Breslau : Korn, 1826. 384 S.
34. *Гладышев А. В.* Историческая память: становление и современное состояние изучения // *История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Гладышев.* Саратов, 2022. Вып. 24. С. 200–204.
35. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 2000. 480 с.

Поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025